

В предыдущих главах:

На выходных Гарри подтянул домашние задания, а потом позвал друзей, в том числе и Полумну Лавгуд, на поле по квиддичу, полетать. На обучении по защите от Тёмных искусств с пятикурсниками (Причардом и Уоррингтон младшим), те попросили показать им чары Патронуса, чтобы уметь противостоять дементорам. Во время ужина Гарри пришла посылка от Джеммы — Сыворотка правды для допроса Уизли. После этого Гарри встретился с Селвин; они устроили тренировочную дуэль, и мальчик осознал, что колдунья быстро учится и уже перестала быть лёгким противником.

Гарри Поттер использовал Сыворотку правды на своей подруге — Трейси Дэвис, — попросту подлив зелье в кубок и воспользовавшись тем, что она ему полностью доверяет. Девушка поведала все свои тайны.

По просьбе Гарри начато составление родословного дерева Поттеров. Оказалось, что очень многие находятся с ним в родстве, хоть и очень дальнем. Активную роль сыграла в этом мисс Эйвери, подчеркнув, что Гарри является потомком самого Салазара Слизерина. Рассказав об этом Джемме Фарли, мальчик узнал, что это лишь гипотеза с очень маленькими шансами на истину. Однако, Поттер парировал тем, что он знает змеиный язык, а именно этим и славился Салазар Слизерин.

Гарри Поттер задумчиво смотрел в сквозное зеркало, поверхность которого отображало лишь его собственное лицо. Недавно закончившийся разговор с Джеммой не решил глобальных его проблем, а лишь, наоборот, породил множество новых загадок. Судя по всему услышанному за этот вечер — он действительно был потомком Салазара Слизерина. Распределение на факультет самого грозного из основателей, искусство открывать завесу над чужими тайнами, а главное — умение говорить со змеями и понимать их — всё это подсказывало единственный верный ответ. А ведь в прошлом году он уже предполагал такое и, возможно, в любом другом случае, мальчик бы возгордился таким родством, но... Ему не давало покоя то, что Тёмный Лорд тоже был наследником Слизерина и даже дважды открывал Тайную комнату, убивая маглорождённых. Такое родство настолько претило Поттеру, что он с трудом сдерживал бешенство внутри себя, желание метаться по комнате, кидая вещи в стену. Осложнялось это и тем, что его родители... мама или папа... кто-то из них носил в себе частичку своего убийцы. Был связан с этим монстром кровными узами, которые тянулись вглубь веков к овечьей мрачной славе основателя. И из-за того, что ни Фарли, ни Бёрк не могли дать точный ответ насчёт родства Поттеров и Слизерина, то он не мог исключить даже маму из этого уравнения! Невольная злость на родителей, стыд за такие чувства, гнев по отношению к самому себе и злоба к проклятому Тому Реддлу заставила его дыхание участиться, а виски прострелить резкой болью.

— Так... — тяжело и глубоко мальчик вздохнул, пытаясь справиться с нахлынувшей мигренью.

Он попытался окклюменцией очистить разум, сосредоточившись на одном из упражнений. Постепенно у него стало это получаться, и Гарри ощутил, как нервная дрожь уходит. Мысли перестали гневно бурлить, и он смог успокоиться. В конце концов, если он в родстве со многими слизеринцами, то почему так переживает из-за родства с Тёмным Лордом? Тем более такое значит, что и сами слизеринцы тоже в родстве с ним. Да и к тому же, это может быть очень дальнее родство, так что вообще не стоит сильно расстраиваться. Бёрк разберётся с родословной, и всё будет хорошо. Заодно добавят туда его маму. Мальчик постарался выбросить из головы проклятого Реддла, сосредоточившись на своей родословной. Зачем ему переживать, если вот-вот Альбус Дамблдор решит этот вопрос, уничтожив тетрадь? Вспоминая про огромное древо Поттеров, его мысли пришли к неприятным выводам. Тёмный дар змеиного языка достался только ему...

Другие вопросы тоже не прибавляли спокойствия. А что если Бёрк или четверокурсница Феркл спросит у него, когда родилась его мама, чтобы добавить эту дату в родословную? Ему не хотелось попасть в неудобное положение, но... Он почти ничего не знал про Лили Поттер. Даже лицо своей мамы Гарри в первый раз увидел всего пару месяцев назад, когда Джемма принесла школьную фотографию его родителей вместе с другими гриффиндорцами. Он не знал ни даты, ни месяца, ни даже года её рождения. Какое лицо будет у них, когда он не сможет ответить на такой простой вопрос? Что же делать? Похоже, придётся написать в Литтл Уингинг единственной, кто может ответить на этот вопрос.

Он тяжело вздохнул. Против этого восставало всё его нутро. Но другого варианта не было, и мальчик потянулся к письменным принадлежностям.

«Здравствуйте, тётя Петунья. Как вы поживаете?» — перо его замерло на секунду, но тут же бодро застрочило, выводя предложение за предложением. Надо будет от неё узнать и про родителей Лили и Петуньи, а не только про день рождения мамы. Его бабушка Эвелина и дедушка Рудольф Эванс. А может Петунья знает и дальше, вглубь веков. Неплохо было бы добавить всех их в его родословную. Может так удастся проследить путь к Салазару Слизерину и понять, что связывает его с Тёмным Лордом? Наверное, стоит подойти ещё и к Люпину, уточнить у него тоже про маму. Всё же письмо долго идёт, да и неизвестно ответит ли магла ему вообще, а ответы могут потребоваться уже завтра. Надо будет отдать письмо Трейси, она отнесёт, только не забыть попросить, чтобы та сказала сове, перед тем как та улетит, чтобы она дождалась ответа — вряд ли Петунья с ходу сможет вспомнить всех родственников.

Ранним утром следующего дня двое слизеринцев быстро шли по коридорам школы. Невысокая темноволосая девушка с короткой стрижкой то и дело бросала взгляд на идущего на полшага впереди зеленоглазого мальчика в очках. Тот же смотрел в окна, которые выходили во двор. Стекла запотели, а окрестности Хогвартса, словно кровожадный зверь, застелил густой туман, пряча свою добычу. Наконец двое учеников добрались до кабинета преподавателя по защите от Тёмных искусств.

— Я зайду к Люпину, — сказал Поттер, не поворачивая головы к идущей слева Трейси Дэвис, подходя к нужному помещению, — а ты подожди меня здесь. В кабинет не входи.

— Хорошо, Гарри, — слизеринка замедлила шаг, а потом подошла к окну напротив кабинета и провела пальцем по стеклу, пока Поттер коротко постучал в дверь.

— Здравствуйте, сэр, — вежливо поздоровался мальчик, когда дверь в кабинет Защиты от Тёмных искусств открылась, и на пороге показался уже одетый в свою потрёпанную мантию Люпин.

— Гарри... — мутновато-синие глаза профессора цепко взглянули ему прямо в лицо. — Что случилось? — Люпин заметил робко стоящую сзади в нескольких метрах обернувшуюся Трейси, которую не было сразу видно из-за Гарри. — Мисс Дэвис?..

— Здравствуйте, профессор, — чуть помедлив, негромко пискнула за спиной Гарри девушка, пока тот разглядывал истасканную мантию Люпина.

— Извините, пожалуйста, сэр, за столь ранний визит, — вежливо и спокойно сказал мальчик,

думая, как бы ловче сделать так, чтобы поговорить с Люпином наедине. Ему не хотелось, чтобы его подруга знала о том, какую тему они будут обсуждать, что он сам не знает даже дня рождения собственной матери. — Мы с Вами обсуждали уже это... И я хотел бы с Вами поговорить, если можно.

— Да, конечно, — волшебник посторонился, пропуская его, — входи.

Мальчик шагнул внутрь, оглядел кабинет быстрым взглядом и повернулся к профессору. Тот немного вопросительно смотрел на Трейси, явно ожидая, что девушка тоже войдёт внутрь. Саму слизеринку изнутри кабинета Гарри уже не видел.

— Сэр? — позвал его мальчик, с нетерпением ожидая, когда тот всё же догадается захлопнуть дверь.

Люпин закрыл дверь и повернулся к нему.

— Я думал, что твоя подруга тоже зайдёт, — пояснил он.

— Она стесняется, — без заминки соврал Гарри, чуть махнув рукой, словно отгоняя несущественную мошку. — Вы говорили, что хорошо знаете моих родителей, — мальчик дождался кивка профессора, — и я постоянно думал об этом. Но есть кое-что, что я хотел бы узнать. Я... хотел узнать день рождения мамы.

— Эм... — вопрос явно удивил профессора. — День рождение... Ты не знаешь?..

— Нет, — признался Поттер.

— Январь... Да, — на лбу Люпина образовалась глубокая складка. — Если мне не изменяет память, то это тридцатое января.

— Вы не помните точно? — спросил мальчик. Ему нужна была точная дата, чтобы добавить в родословную Поттеров. — Месяц январь, а какого года?

— Тысяча девятьсот шестидеятого, — изумления в голосе профессора прибавилось. — Столько лет прошло с того времени, как мы праздновали её день рождения. Мрачное тогда время было. А вот... На их могилы... — голос Люпина опустился до шёпота.

Профессор замолчал. Его правая рука невольно дёрнулась.

— Давно я там не был, — добавил он.

— А мои дедушка Флимонт и бабушка Юфимия тоже похоронены в Годриковой впадине? — спросил Гарри.

— К сожалению, нет, — мрачным тоном сказал Люпин. — Они болели драконьей оспой. Больница Святого Мунго после их смерти не выдала тела.

— Тогда где их похоронили?

— Была поминальная служба. А тела уничтожили, — отрывисто сказал мужчина.

Гарри видел, что каждое слово словно с болью вырывается из профессора.

— Спасибо, сэр, — поторопился попрощаться Поттер; он уже разузнал, что хотел. — Для меня это было важно.

— Пожалуйста, — пустым голосом ответил Люпин, погружённый в свои мысли.

Во время завтрака Гарри обратил внимание, что профессора Люпина не было за главным столом. Ещё Поттера беспокоило то, что от Джеммы не было письма. Девушка иногда присылала ему письма; за прошедший месяц их было целых пять. А Гарри отвечал на них; для него это было важно, хоть он и сам не знал почему. И хотя это не мешало им переговариваться почти каждый день по сквозному зеркалу, только вот темы, которые поднимались через совиную почту они не обсуждали. Но она так и не ответила насчёт его намёка-вопроса какой подарок от неё был в прошлом году на его день рождения. А это явно неспроста. Значит, почти наверняка, Джемма ничего не дарила.

Чуть позже, идя вместе с остальными на урок, Поттер пребывал в своих мыслях, пока не услышал, как Пайк пристаёт с Трейси с просьбой дать ему списать домашнюю работу, которую он поленился сделать. Та явно не хотела делиться результатами своего труда. Мальчик продолжил напирать на неё, несмотря на отказ, пока они все вместе шли по коридору.

— Отстань от неё, Пайк! — жёстко приказал тому Поттер, бросив суровый взгляд.

Питер побледнел, бормоча под нос то ли извинения, то ли оправдания. Гарри бросил взгляд на нерешительно улыбнувшуюся девушку, которой даже смелости при всём классе поблагодарить его не хватило. Хотя он и решил её защитить, но пока понятия не имел, что делать с информацией, которая на него свалилась в результате допроса с помощью сыворотки Правды.

«Может стоило всё же выбрать кого другого? Ей далеко по смелости до Дафны или Пэнси. И куда делась вся её отвага, с которой она крала чужие вещи?»

Неожиданно его взгляд наткнулся на знакомое лицо.

Гриффиндорец со второго курса — Колин Криви. Надоедливый фанат, с громоздким фотоаппаратом, который вечно шляется за ним, в надежде на хороший снимок. Поттер нахмурился, обдумывая можно ли как-то использовать этого глупого и восторженного второкурсника в своих целях. Сможет ли он провести его в башню Гриффиндора? Незаметно, наверное, такое не получится проверить, но вдруг вход в гостиную львов допускает именно тихое проникновение во внутрь, так же, как и в его собственную гостиную? А если воспользоваться мантией-невидимкой, то проболтается ли об этом Криви? Может стоит с ним пообщаться, понять его характер и способен ли он хранить тайны? Хотя для начала было бы неплохо узнать, где вообще находится башня Гриффиндора. Может кто-то из слизеринцев знает точный вход? Тогда можно будет проверить не соврал ли ему Криви и не засада ли это. Нельзя сказать, что Поттер никогда не интересовался, где находится логово львов, но в основном его товарищи приносили лишь разрозненные слухи. Он точно знал, что гостиная Гриффиндора расположена в башне Гриффиндора. Само название на это прозрачно намекало. Причём не внизу, а где-то на верхних этажах, напоминая этим гостиную Когтеврана. Если удастся туда проникнуть, то может выйдет незаметно подлить сыворотку Правды Уизли и тоже допросить их.

Обдумывая так и сяк эту мысль, мальчик не заметил, как прошёл урок.

— Гарри, я хотел с тобой поговорить, — несколько манерно начал Драко, подсаживаясь к нему за стол с другой стороны от Питера, пока Поттер старался быстрее доделать скучнейшее эссе по истории магии.

До обеда было ещё полчаса, и мальчик задержался в классе, стремясь урвать лишние минуты на домашние задания, которые он не успел сделать вечером. Тренировки с Селвин, танцы с Паркинсон, квиддич и дуэли с пятикурсниками съедали изрядное количество времени, оставляя лишь крохи свободного времени, которого никак не хватало на всякие рефераты профессоров. Сейчас ему компанию составили Малфой, Крэбб с Гойлом и Пайк. Последний пытался ему подсказать хоть что-то по эссе для призрака Бинса, но Поттер быстро понял, что «помощник» знает историю ещё хуже, чем он сам. Девушки и остальные слизеринцы уже ушли, даже Трейси убежала по каким-то своим делам.

— Да? — с радостью отвлёкся мальчик и ставя точку, подавляя голосок совести, что эссе не доделано полностью.

— Как я знаю, ты делаешь родословную, — скрестив пальцы перед собой, сказал Драко. — И я говорил, что мой род — род Малфоев — очень древний и величественный. Я попросил отца, и он прислал родословную нашей семьи. Хочешь посмотреть?

— Да, конечно, — Гарри с удовольствием отложил надоевшее эссе. Если что, то его можно будет дописать завтра на перемене.

Малфой вытащил из сумки сложенный холст и развернул его. Несмотря на привычку Гарри сдерживать свои эмоции, он всё же не смог сдержаться, глядя на грубо сложенные углы и помятую бумагу.

— Драко, ты чего?! А... А ничего что твоя родословная так помялась? — он воскликнул.

— Отец прислал лишь копию, не доверив сове оригинал, — Драко развернул огромный холст на столе, закрыв им книгу по истории магии и исписанный лист с эссе. — Если хочешь, то на каникулы можешь приехать к нам, посмотреть, как выглядит сама родословная. Но это точная такая же, так что не переживай. Кстати, где-то был чехол под неё, — Малфой принялся возиться в сумке. — Ну и ладно, — бросил мальчик, когда не нашёл искомое. — Как ты знаешь, мой предок — великий маг Арманд Малфой — дружил с самим королём Англии Вильгельмом Великим. Они вместе прибыли в Англию из Франции в одиннадцатом веке и...

Гарри склонился над родословной, не особо вслушиваясь в гордую болтовню Малфоя. На самом верху родословной был изображён сам Драко Малфой (05.06.1980 год), чуть ниже его родители. От Нарциссы Малфой (11.11.1955 год) вела ниточка к её родителям — Сигнусу Блэку и Друэлле Блэк. Но продолжения вниз, к родителям самих двух Блэков не было, хотя у Люциуса Малфоя были указаны и родители, и дедушки с бабушками, и более древние предки. Мальчик мимоходом снова отметил, что у миссис Малфой дата рождения такая же, как у Фарли. Только она старше её на пару десятков лет. Ей в этом году исполняется тридцать восемь лет. Но всё его внимание было приковано к двум одинаковым фамилиям. Блэк.

— Отец сказал, что можно тебе её подарить, — словно оказывая ему честь, под конец заявил Малфой и Гарри словно очнулся.

— Можно мы поговорим наедине? — спросил он, бросая взгляд на остальных.

Питер быстро закивал и, сложив книгу и тетрадь в сумку, пошёл к выходу, а Крэбб и Гойл, помедлив, потянулись за ним.

— А здесь есть Поттеры? — дождавшись, когда закроется дверь, издалека начал Гарри.

— Эмм, ну должны быть, — растеряно протянул Малфой, явно не ожидая такого вопроса.

— Что-то я не вижу. А почему у тебя линии прерываются? Почему не указываются дальше? — он провёл пальцем от Малфой Нарциссы к её родителям. — Только твои бабушки и дедушки по... линии твоей мамы. А их родителей уже тут нет.

— Потому что это родословная Малфоя, — как само собой разумеющееся ответил Драко.

— Разве у твоей мамы не фамилия родителей?

— Нет, она Малфой, как и я, — не задумываясь, сказал Малфой.

— Но при рождении у неё была другая фамилия.

— Ах да, конечно. Но видишь ли, Гарри, в родословной такое не указывается. Даже у моей бабушки Друзеллы Блэк не указана фамилия...

«Блэк» — вот и прозвучало ненавистная фамилия его злющего врага.

— ...хотя она до этого носила другую фамилию, — не замечая, как лицо Поттера немного побледнело, продолжал медленно говорить Малфой, — Розье. Она давно уже умерла. Я... — голос слизеринца утратил торжественные ноты. — Я её почти не помню.

Фамилия матери Нарциссы — бабушки Драко — кольнула его, но он не мог вспомнить, где слышал её.

— Мы очень тесно связаны с семейством Розье, — продолжал Малфой. — Тут этого нет, но мой прадед женился дважды. Его первая жена умерла после родов, и он взял в жёны какую-то Фёркл, — мальчик фыркнул, явно вспоминая свою ссору с четверокурсницей Фёркл. — Родственницу той глупой девочки.

Поттер с трудом подавил раздражение. Четверокурсница Альдива Фёркл, на которую озлобился Драко, была кем угодно, но точно не глупой, обладая живым умом и сообразительностью.

— Сигнус Третий и Друэлла, — тихо прочитал Гарри имена Блэков. — Двенадцатое июня тысяча девятьсот тридцать четвёртого, а умер первого апреля тысяча девятьсот девяносто второго года. Это же в прошлом году! — удивился мальчик. — А твоя бабушка Друэлла родилась шестого июня тысяча девятьсот тридцать четвёртого, а умерла двадцатого октября тысяча девятьсот восемьдесят седьмом.

Он помолчал. Блэки. Родственники той твари, что предала его родителей.

— А Сириус Блэк здесь есть? — спросил он, пронзительно посмотрев на Драко.

— Нет... Но я вот что хотел сказать, — таинственно начал Малфой.

Драко горделиво встал, расправляя мантию и чуть помедлил, словно набираясь

торжественности, а потом громко продолжил:

— Есть кое-то, о чём я должен тебя предупредить. Это важные сведения и ради нашей дружбы я их тебе раскрою. Как ты знаешь, Сириус Блэк опасный преступник, сбежавший из Азкабана. Но вот что ты не знаешь, так это то, что Блэк попал туда из-за того, что гнусно предал твоих родителей. Именно он сообщил... — тут голос у мальчика дрогнул, чуть просев, но всё же справившись с собой, тот продолжил, хотя торжественность пропала: — Тёмному Лорду про твоих родителей. И именно из-за него они погибли.

Малфой замолчал, уставившись на него, явно ожидая каких-то эмоций и благодарности за сведения. Но сидящий слизеринец продолжал на него холодно смотреть, и лишь зелёные глаза пронзительно блестели на побледневшем лице.

— Да... Ну вот... — замялся Драко, не дождавшись ответа.

— Я знаю об этом, — негромко сказал Поттер, — но спасибо за то, что сообщил.

— Пожалуйста, Гарри. — Драко заулыбался, а потом выпалил: — А я ещё хотел спросить... Ну я же тебе рассказал... Теперь ты... Ну... Что с Уизли?

Гарри молча смотрел на него. Он понял, что тот имеет в виду пропавшую Джинни Уизли. Поттер вдруг понял, что и сам не знает, как реагировать на такой совершенно неуместный вопрос. Его улыбка была холодной, а сам он чувствовал, как внутри него всё окоченело.

— Думай, какие вопросы ты задаёшь, — тихо прошипел Поттер, сидя за столом и смотря на стоявшего перед ним Малфоя.

Злоба разгоралась в нём. Он помолчал, смотря на Драко. Это явно проняло Малфоя и тот сделал шаг назад. Драко только теперь осознал угрозу, словно сгустившуюся в кабинете. В кабинете, в котором он совсем один с... угрозой.

— Да-да, — тот закивал, побледнев. — Прости, я не хотел... Просто, я... Извини меня.

— И ещё, Драко, прежде, чем спрашивать, подумай дважды, хочешь ли ты на самом деле узнать ответ на свой вопрос, — смотря тому в глаза подвёл черту под разговором Поттер, поднимаясь с места.

— Гарри, прости меня, — повторил Малфой.

Дни сменялись днями. От Петуньи не было ответа, но слизеринцы так и не обратились к нему насчёт даты рождения его мамы, а обсуждая с Бёрком, который занимался составлением родословной и переданным документом от Драко, мальчик заметил, что на холсте с его собственной родословной появилась фотография Лили Поттер, которая связывала нитью с Джеймсом Поттером и вела к его имени. И дата была верной, совпадая с той, которую сообщил ему профессор Люпин. Да и фотография была точь-в-точь, как со школьного альбома из библиотеки.

— Как жаль, что нет ничего про предков Арманда Малфоя, — сетовал Бёрк. — Я надеялся, что

может у Малфоев есть какие-то сведения, но нет. Жаль, жаль. Этот мистер Малфой прибыл из Франции, но на этом все сведения о нём теряются, обрываются. Неизвестно ни кем были его родители, ни чем он сам занимался во Франции. Гарри, а ты знаешь, что слово «мистер» происходит от праиндоевропейского слова «мэг», что значит сильный, большой? Так, а тут что указано? — отвлёкся пятикурсник, разглядывая пергамент. — У меня такой даты нет.

Пока Бёрк сверял свои сведения с родословной Малфоя, добавляя недостающие моменты, Гарри разглядывал часть своего древа, где была семья Малфоя. По словам Драко, его бабушка по матери была Друэлла Розье, а рассматривая вторую бабушку — мать Люциуса Малфоя — Камесинну Малфой (15.11.1927 — 02.05.1981), он отметил, что родители у той тоже значились Розье: Трэвис и Мэрилин. А значит, что Люциус Малфой и Нарцисса Малфой приходились друг другу родственниками как минимум по линии Розье. И покопавшись в своих записях, Гарри легко отыскал, почему фамилия Розье была ему знакома. Эван Розье был обозначен в газетах, которые принесла ему летом Джемма, как опасный Пожиратель Смерти, и убит более десяти лет назад мракоборцем. Но на родословной Малфоев его не было. Само генеалогическое древо было сильно урезано, отображая полностью родственные связи лишь мужчин Малфоев. Их жёны отображались без других родных — без братьев, сестёр, дядей и тётей — только с родителями. Сравнивая с родословной, которую прямо сейчас делал Бёрк, он видел огромную разницу между ними. Оказывается, что у Нарциссы Блэк было ещё две сестры — Беллатриса Лестрейндж и Андромеда Тонкс. Первая была посажена в Азкабан давным-давно. Вообще-то Джемма говорила ему о них обоих, только не упоминала родство с Драко Малфоем, но сейчас отсутствие даты смерти у Беллатрисы шокировало его. Поттеру почему-то казалось, что раз она в Азкабане, то значит умерла, на ней можно поставить крест. Тогда их с Джеммой обсуждение касалось вопроса, можно ли доверять Нимфадоре Тонкс и её родства с Блэком и Лестрейндж. Про вторую сестру из Блэков — мать Драко — Нарциссу он не знал ничего. А получилось, что Сириус Блэк приходится двоюродным братом матери Драко. Знал ли об этом Малфой? А дальше... Беллатриса приходилась родной тётей самому Малфою. Мальчик помнил, что именно она запытала родителей Долгопупса до безумия. И прекрасно помнил свой ужас при мысли, что мог повторить их судьбу. Куда там его отвращению к его собственной тёти Петунии! У его друга тётя была куда ужаснее!

Ещё он обратил внимание, что дочери семьи Малфоев, выходя замуж и меняя фамилию словно утрачивали важность для Малфоев. Указывались лишь их дети, а потом линии прерывались. Например, Элизабет Малфой — прапрабабушка самого Поттера — на родословной имела двоих детей и всё. Ни единственная её внучка, ни папа Гарри, ни он сам не был обозначен. И это касалось всех других бывших Малфоев. Сама близкая к Драко его троюродная сестра была показана, как умершая и не имеющая детей. Зато изящным почерком напротив многих Малфоев было обозначены их выдающиеся достижения. Наверное, это Люциус Малфой написал, когда делал копию родословной. Сама родословная по глубине веков не уступала родословной Поттеров, но была куда уже по горизонтали.

Тем временем пришёл ответ от Тонкс. И между ними завязалась переписка. Девушка живо интересовалась, чем он занимается, как у него дела, снова спрашивала не обижает ли его кто-нибудь. Гарри успел пожалеть, что в прошлом письме специально надавил той на жалость. Похоже, так и выглядит пуффендуйская взаимовыручка и верность. Если, конечно, у Тонкс нет какого-нибудь хитрого умысла, и она не связана с Блэком и не руководствуется другими корыстными мыслями. Зато упомянутое в ответном письме имя «Нимфадора» вызвало с её стороны просьбу не обращаться к ней так, а лишь по фамилии, но не потому что она за более официальное общение, а просто ей так нравится. Что это значило, мальчик так и не понял. Но у него не было возможностей долго ломать над этим голову.

Ему с огромным трудом удалось сопоставить расписание, чтобы все его вечерние занятия пересекались как можно меньше. Тренировки по квиддичу раз в неделю, два раза в неделю обучение по защите от Тёмных искусств с пятикурсниками, через каждые семь дней — встреча с Люпином. И каждый день жёсткие дуэли с семикурсницей Селвин. А ещё занятия танцами с Паркинсон три раза в неделю. Это более чем тесное общение с Пэнси позволило ему лучше узнать девушку. Она оказалась не настолько легкомысленной, как он считал ранее. И за её простоватым характером обнаружилась неординарная личность со своими увлечениями и мыслями.

Незаметно прошло день рождения Уильяма Причарда. Гарри, заваленный горой дел, лишь коротко его поздравил, а потом незаметно ушёл на занятие с Люпином. Несмотря на договорённость с профессором заниматься ещё и дуэльной магией, мальчик на втором уроке опять сражался с боггартом, но первого успеха достичь не мог. Он мог сдерживать чудовище, обратившееся дементором, но прогнать его не получилось. После этих поединков он был очень уставшим и изнеможённым, и уже сам понимал, что ему не хватит сил, чтобы ещё сражаться с Люпином. Но предстоящая боевая тренировка с Селвин всё же примеряла его с тем, что дуэльной магии с профессором у него не было.

Успехов в вызове Патронуса совершенно не наблюдалось. У него то получалось вызвать белое серебристое облако и сдерживать дементора, то даже лёгкой дымки не было, и профессору приходилось вмешиваться, защищая его. Зато во время всего этого получилось наладить общий язык с Люпином, когда он расспрашивал его про родителей. Сначала было непросто, профессор словно заставлял себя говорить, вспоминая прошлое, но потом его было уже не оставить, и он оживлённо рассказывал множество историй и часто интересовался неужели тётя Петунья ничего не рассказывала Гарри?

При взгляде на профессора, Поттер невольно вспомнил свою стычку с ним. Он тогда ошибочно

решил, что профессор служит Блэку или даже является им. И чуть не попал под исключение из Хогвартса, лишь благодаря умелым словам смог выкрутиться.

«Блэк... — несмотря ни на что, Гарри никак не мог выбросить его из головы, опять вставая перед шкафом с боггартом и пытаясь сосредоточиться на воспоминании о походе в очаровательный зоопарк Стоунхенджа. — Надо собраться, сейчас... если всё получится. Я сильный. Люпин увидит. И не будет сомневаться в моей силе. Никто не должен в этом сомневаться».

Но невольно мальчик всё никак не мог выбросить из головы то, что будет, когда дверца откроется. Он услышит голоса мамы и Тёмного Лорда. Услышит, как эта тварь убивает маму. Его маму... Неужели он снова это услышит?

И дементор опять одерживал вверх.

После Люпин угощал его шоколадом. Они беседовали. Гарри узнал, что у Люпина не осталось родных. Мать профессора умерла ещё до рождения Гарри, а отец через несколько лет после. Они всё же провели несколько дуэлей, и Люпин мастерски обезоружил Гарри. Однако Поттер неожиданно понял, что профессор не так уж и сильно может ему противостоять. В отличие от Фарли, он был скован антитрансгрессирующим заклятием, накрывающий весь замок и его окрестности, и не мог постоянно перемещаться, заходя Гарри за спину, что всегда проделывала Джемма, делая поединок чрезвычайно динамичным и неприятным для него. Так же профессор явно сражался, не используя мощных заклинаний против своего ученика, а вот Гарри, который уже продемонстрировал раньше свой немалый арсенал чар, не был ограничен этим. Поэтому их поединок превратился в мастерство фехтования, поединок скорости и не был таким быстротечным, как с Джеммой, которая использовала куда больше заклятий из области трансфигурации.

Но с другой стороны, Гарри сразу заметил и разность в стиле боя. Если Джемма пыталась просто забросать Гарри разными чарами и созданными опасными вещами или животными и, поймав или подловив его в какой-то момент, обезоружить, то профессор Люпин использовал более плавный стиль боя, иногда предпочитая мягко переходить в оборону, наблюдая, как Гарри будет эту оборону вскрывать. Профессор ничего не говорил про те сомнительные заклинания, которые использовал Гарри нет-нет, да использовал. Но сам Поттер не показал

самых тёмных чар, которые были ему известны. Более того, через неделю после их первого поединка Гарри ухитрился впервые обезоружить профессора.

Но его радостное настроение, когда он уже вышел из кабинета и, кивнув ждущей его Трейси, омрачило понимание, что Люпин сам ему поддался, чтобы понаблюдать, что он будет делать с безоружным противником. В мельчайших подробностях вспоминая их дуэль, Гарри осознал этот момент с особой чёткостью. Он бы не догадался, если бы не их дуэли с Джеммой, а наоборот, преисполненный триумфом от победы, стал бы заниматься ещё более усердно.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/52529/3316803>